

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Теория символа Г.Ф. Крейцера в контексте идей интеллектуальной культуры романтизма

Шалаева Анастасия Владимировна

Студент

ГУ-ВШЭ - Государственный университет - Высшая школа экономики, Факультет истории, Москва, Россия

E-mail: aleteia_@mail.ru

В Германии первой половины XIX века представители различных областей знания, искусства и художественных практик, философской и религиозной мысли обратились к проблеме мифа. Немецкий романтизм, движение краткое во времени, но сопровождавшееся большой интенсивностью и сложностью, скрывается за многими прорывами в области изучения мифа, и может рассматриваться как сущность, влияющая на взаимную связь немецкого романтического искусства и мысли, на то, что миф считался чем-то самим собой разумеющимся, и приобретал новое значение. В этот период в немецкой философской мысли много связей пролегло между мифом и новыми органическими взглядами на человека, природу и историю.

Георг Фридрих Крейцер (1771-1858) более пятидесяти лет был профессором филологии и древней и древней истории в Гейдельберге, и одним из наиболее выдающихся гуманитариев в Германии. Он представляет менее известную по сравнению с йенским романтизмом традицию гейдельбергского романтизма. С публикацией «Символики и мифологии древних народов, в особенности греков» [1] в 1810-1812 годах, об интерпретации символа в которой пойдет здесь речь, Г.Ф. Крейцер стал одним из наиболее противоречивых мифологов своего времени; и более того, эта работа стала поворотным моментом в судьбе романтической мифологии.

Противоречивый момент в концепции Г.Ф. Крейцера – его стремление отделить символ от мифа, и во многом, как полагали его коллеги и противники, символ в его интерпретации стремится стать на место мифа. Одним словом, кажется, что Г.Ф. Крейцер приписывал символу то, что другие романтики от Гердера до Шеллинга приписывали мифу. Для Г.Ф. Крейцера символ в действительности представлял собой то, что, как считалось, представлял собой миф: символ удерживает в незримом единстве бесконечное и конечное, горнее и долнее [2].

В отношении теоретизирования по поводу понятия символа, проводимого в «Символике...» Г.Ф. Крейцера, и его выразительной способности, существенны два момента: во-первых, определение символа в качестве особого рода единства бесконечного и конечного, во-вторых, различение мистического и пластического символа.

В символе как способе выражения противоречия между конечным и бесконечным видна его двойная природа. Чтобы выразить бесконечное в конечном, нужно это сделать так, чтобы в конечном было видно, что это выражение неполно. Имеются исторические документы такого способа мысли. Как мыслили древние люди? Принципиально антропоморфически, потому что по-другому они не умели, потому что есть определенное принуждение, которое движет к тому, чтобы ставить себя в центр мира и все рассматривать по аналогии с собой, поэтому окружающее, все силы для него это персоны, связь между силами – это любовь, вражда, ненависть, эрос и т.д. Г.Ф. Крейцер

говорит о том, что такое восприятие порождает тропический способ выражения, который распространяется на отношения между вещами, конечное связать с конечным. Эта идея предвосхищает концепцию логики партиципации Леви-Брюлля: через сопричастность частей можно выразить связи между вещами. Если душа хочет не только того, чтобы вещи друг на друга ссылались, а если она хочет выразить идею, воспаряет к умопостигаемому, и это умопостигаемое хочет выразить в конечном, то тут она должна работать по другим принципам, чем когда она выражает конечное через конечное (в тропическом способе выражения). Древний человек должен предполагать, что из этого стремления рождаются те образы, которые функционируют не просто как художественные образы, а имеют религиозную природу, то есть мифологические образы. Они суть выражение бесконечного в конечном, это не просто метафоры (Гефест – не просто метафора для подземного огня). Г.Ф. Крейцер стремится смоделировать генезис для того, что у нас как реальные мифологические образы уже есть. Сначала мы пытаемся представить себе, какие трудности возникают у души, как она хочет себя выразить, когда она воспаряет к идеям – это спекулятивная модель. Теперь, если мы посмотрим на символы, которые остались от древнейших времен, мы явственно увидим, что некоторые формы выражения содержат в себе двойное происхождение. Символ своим устройством выдает эту связь. В этом пункте видно, что Г.Ф. Крейцер не критически включает сюда неоплатоническую фразеологию, идею интеллектуального созерцания и идеалистическую терминологию (конечное-бесконечное) "Системы трансцендентального идеализма" Ф.В.Й. Шеллинга, теорию света И.В. Гёте.

Различение мистического и пластического символа строится, как представляется, на основании кантовского различения возвышенного и прекрасного соответственно, «апофатического» и «катафатического» способа аргументации. Мистический символ изначален, постольку, поскольку он стремится вместиться в конечное, краткое и емкое выражение, но эти пределы всегда разрывает, представляет собой нечто ужасное, пугающее. Пластический символ возникает в древней Греции в прекрасном и поучительном отображении символического в скульптуре, в искусстве.

Стоит обратить внимание на те основание и материал, на которых строится концепция Г.Ф. Крейцера. В логике обоснования присутствует как собственно филологический, так и философский, теологический, исторический аргумент [3], притом они не применяются раздельно и дифференцировано, но, то и дело органично вплетаются в общую канву рассуждения. Свою теоретическую позицию Г.Ф. Крейцер развивает в перспективе применения ее к конкретному эмпирическому материалу древних мифологий, как греческой, так индийской и египетской. Поэтому он заранее в качестве цели и перспективы построения теории имеет в виду тот мифологический материал, который по его замыслу должен в эту схему лечь, что автор и демонстрирует во всех четырех томах «Символики...».

«Символика...» Г.Ф. Крейцера – работа филолога, переосмысляющего статус мифологии на основании новых философских, теологических идей и нового исследовательского материала. В широкой дискуссии, разворачивающейся вокруг мифологии в университете Гейдельберга она имела и своих противников, и своих сторонников. Собственно говоря, это амбициозный и новый проект, который предполагает довольно радикальное переосмысление всех задач исторического, филологического, теологического, философского и прочих родов, и претендует эти разные сферы свести вместе вокруг

феномена мифологии как дисциплины.

Литература

1. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig – Darmstadt, 1810-1812.
2. The rise of modern mythology, 1680-1860 / [compiled by] Feldman B., Richardson R.D. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1972.
3. Howald E. Der Kampf um Creuzers Symbolik. Tübingen, 1926.